

Древнерусские Ареопагитики. Проблемы перевода

А. А. Смирнова (Гусева)

«Философия не состоялась бы без философских школ, без преданной готовности последователей воплотить в себе чужое слово... Подвиг переписчиков, благодаря которым мы читаем древних, - что это, как не чистое дарение себя, отдание своего присутствия присутствию другого. Без такой же щедрой самоотверженности не было бы переписчиков другого, особого рода: переводчиков. Перевод – это разновидность благоговейного переписывания, невозможная без отдания себя авторитету»¹. «Отдание себя» как условие переложения чужого текста в свой язык – так выдающийся философ, филолог, переводчик В.В.Бибихин определил смысл работы переводчика. Это тем более характерно для переводчиков философско-богословских памятников, и живших в XI в., и современных, живущих в веке XXI. Подобный труд предполагает особого рода ответственность, которая в Средневековье переживалась острее, чем теперь, поскольку через переводчика говорила христианская истина, голос которой, звучавший на языке оригинала или перевода, нельзя исказить. Книжник совершал путь к познанию как восхождение, прорыв к смыслу, отбросив все, кроме стремления услышать сущность, выраженную языковыми средствами оригинала, и передать так, чтобы ее услышал читатель.

Древнерусская теория смысла сформировалась во многом под влиянием трактата Дионисия Ареопагита «О именах Божиих». По мнению исследователей, корпус был создан в начале VI в. Вскоре Сергием Ришайнским был сделан первый перевод на сирийский язык. К VIII в. относятся второй переводы на сирийский, коптский и армянский. В IX в. Ареопагитики переводил на латинский Иоанн Скот Эриугена (первый перевод был выполнен Гильдуином). Ефрем Мцире в конце XI в. перевел Ареопагитики на грузинский язык. И лишь в конце XIV в. появился славянский текст, который привез на Русь назначенный митрополитом Киприан Цамвлак. Однако до этого времени в славянском культурном ареале были чрезвычайно востребованы цитаты, реминисценции, фрагменты корпуса.

В Изборник Святослава 1073 г., содержащий извлечения из сочинений отцов церкви и некоторые философские тексты², также входит отрывок из трактата «О небесном священноначалии».

В ноябрьской Минее 1097 г., где приводится последование Михаилу Архангелу, автором которого был Мефодий, один из словенских первоучителей, или филолог, принадлежащий его кругу, есть перечень чинов небесной иерархии, правда, приведенный в последовательности, немного отличающейся от порядка, описанного в трактате «О небесном священноначалии»³. Ангелы названы «вторыми светами», что также отсылает нас к Ареопагитикам. Константин-Кирилл был прекрасно знаком с текстами Дионисия, о чем писал Анастасий Библиотекарь в письме Карлу Лысому, которым он сопроводил сделанный Иоанном Скотом Эриугеной перевод Ареопагитик.

Иоанн экзарх Болгарский, живший в X в. (на Руси его труды получили известность не позднее XII в.), в предисловие к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина вставляет фрагмент из трактата «О именах Божиих», который служит обоснованием древнеславянской теории перевода: «Да никако же братья зазирайте, аще къде обрящете неистый глаголь, небонъ разоумъ емоу есть положень тождемошень. сиче бо и дионисии

¹ Бибихин В.В. Язык философии. СПб., 2007. С. 100.

² В состав этого сборника статей входят, в частности, перевод Феодора Раифского «О природе и сущности», источником которого было известное в Византии и за ее пределами «Введение» Порфирия к «Категориям» Аристотеля, и несколько глав из неизвестного сочинения Максима Исповедника. В Изборнике можно найти и сочинение Георгия Хировоска IX в «О образех», где перечисляются и разбираются виды тропов.

³ См.: Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. (Как предполагает автор, крещальное имя Мефодия было Михаил.)

с(вя)тыи глаголетъ рекыи есть бо неплодно мню якоже и криво иже гласы нагыи вънимають. и сия даже и до слоухоу неминующа. вѣне съдръжимы и нехотящемъ ведети. чѣто чѣ глаголь назнаменуеть. како ли съподоба. и инеми тождемогущими глаголами и являющими съказати... небо есть лѣзе вьсьде съмотрити елиньска глагола. нѣ разоума ноужда блюсти... небонъ разоума ради прелагаемъ кѣнигы сия. а не тѣчию глаголь истовыхъ радьма»⁴. Согласно Иоанну экзарху, «разоумъ» должен быть выражен «тождемогущими глаголами», что возможно благодаря равной или похожей «силе» слов в разных языках.

Эти тексты переписывались, изучались, цитировались, получая широкое распространение в течение нескольких столетий. Таким образом, читатель конца XIV в. был вполне готов к появлению славянского перевода трактатов («книг») Дионисия Ареопагита.

Рассмотрим вкратце историю древнеславянского/древнерусского текста.

Афонский инок Исая, болгарин или серб, филологические взгляды которого сложились в школе болгарского патриарха Евфимия Тырновского, в течение двадцати лет работал над переводом корпуса. В предисловии он говорит о недостаточной разработанности славянской терминологической системы по сравнению с совершенством языка греческого. Об Исаяе известно очень мало (это было действительно «отдание себя»), только то, что можно увидеть, изучая его перевод: кроме греческого, владел латинским языком, возможно, был немолод или страдал дальновзоркостью. При работе он опустил некоторые места, которые казались ему чуждыми читателю, в основном это касалось реалий античной культуры. Славянский текст получил распространение двумя путями: через Новгород и через Москву, куда привез его митрополит Киприан. Таким образом, на Руси имели хождение две группы этого перевода, отличающиеся не столько лексическими расхождениями - их мало, - сколько расположением основного текста и комментариев (сделанные Иоанном Скифопольским, Георгием Пахимером и Максимом Исповедником, в славянском переводе они образовали толкования с именем преп. Максима). Третья группа несет в себе черты первой и второй, поскольку перед переписчиком лежало два протографа. Сохранилось более 60 списков Ареопагитик, что безусловно свидетельствует о высокой востребованности текста⁵.

Второй перевод был предпринят спустя триста лет, в 1675 г., переводчиком и редактором Евфимием Чудовским, принадлежащим грекофильской школе Епифания Славинецкого. Известна положительная оценка Евфимием деятельности южнославянских переводчиков, «стремившихся к точной передаче смыслов, содержащихся в греческом тексте»⁶.

Одной из причин перевода послужило смешение основного текста и толкований, что неизбежно приводило к искажению первоначального смысла («книга... растлеса вконец и смесися»). Вторая, важная для нас проблема заключалась в том, что переписчики, по мнению Евфимия, не знали «грамматического художества» и орфографии. Это вовсе не упрек «неграмотным книжникам» – здесь мы видим внимательнейшее отношение к выражению смысла греческого оригинала⁷. Новый перевод оказался тяжел для понимания и цитирования. Но это была основа, почва, где должны были прорасти пересаженные с греческого языка смыслы. Забота же об этом перекладывалась на плечи читателя.

⁴ *Калайдович К.Ф.* Иоанн экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М., 1824. С. 131.

⁵ О славянской рукописной традиции см.: *Прохоров Г.М.* Памятники переводной и русской литературы XIV-XV вв. Л.: Наука, 1987.

⁶ Федор Поликарпов. Технология. Искусство грамматики / Изд. и иссл. Е. Бабаевой. СПб., 200. С. 112. В 1723 г. директор московской типографии Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов о переводе Гомилий Григория Богослова, сделанного Епифанием, отзывался так: «Переведена необыкновенною славянщиною, паче же рещи еллинизмомъ, и затем о ней мнози недоумеваютъ и отбегаютъ». Искусство пословного перевода понемногу отходило в прошлое.

⁷ Епифанию Славинецкому принадлежит перевод Ирмологиона 1673 г., где греческое εἶρος (в современном языке – привычное «кирмос») передано тончайшим образом как «вязань».

В XVIII в. преп. Паисий Величковский, «доведший буквализм... до высшей степени виртуозности»⁸, создал новый перевод Ареопагитик, начав эту работу, как и келарь Чудовского монастыря Евфимий, из-за путаницы, происшедшей из-за включения толкований Максима Исповедника и читательских записей в основной текст. Мы видим похожую формулировку: «Неясность и недостаток грамматического смысла в славянских книгах». Однако он объясняет искажения оригинала так: «Первая причина состоит в неискусстве древних переводчиков книг с эллино-греческого языка на славянский» (Евфимий, наоборот, высоко оценивал их мастерство), а вторая – «в неискусстве и небрежности плохих переписчиков». Все это говорит о том, что усиливалось осознание самостоятельного смысла грамматических категорий⁹. Паисий Величковский в своей работе опирался на несколько списков оригинала и текст инока Исайи. Однако его перевод также не нашел своего читателя.

После XVIII в. переводились отдельные трактаты, иногда без толкований¹⁰.

Кратко рассмотрев историю текста, вернемся к переводческим проблемам.

Ранним славянским переводам свойственна особая чуткость буквального перевода. «Аксиомой средневекового книжника была символическая природа слова: между означаемым – внеязыковой реальностью – и означающим – словом – существовала внутренне мотивированная связь»¹¹. Перевод был новым воплощением смысла, и все языковые средства, в том числе стилистические¹², в полной мере должны способствовать «прорыву» к этому смыслу читателя. Передаче смысла «отдает себя» переводчик, который «обязан воспроизвести каждое слово оригинала в единстве его обозначающего и обозначаемого»¹³. Это цель, способом достижения которой, с точки зрения древнерусского книжника, было использование словообразовательных, семантических и синтаксических калек.

Суть теории пословного перевода подробно рассмотрена в работах М.И.Чернышевой¹⁴, где ранние славянские переводы рассматриваются в контексте средневековых европейских. «Всякое земное явление есть лишь образ, отпечаток небесного первообраза», поэтому «все явления символичны, за каждым кроется иной, значимый смысл»¹⁵. Первообраз, сущность может быть выражена разными именами и, следовательно, на разных языках. Поэтому перевод мыслился как подражание первообразу (идея образа и подобия была одной из определяющих для средневекового книжника идей). Задача может быть решена двумя способами. Первый способ – «подобное подобие», буквальный, слово за словом, перевод, воспроизводящий структуру оригинала и «использующий постоянный эквивалент, закрепленный за соответствующей лексической единицей оригинала»¹⁶. Второй способ – «неподобное подобие». Одним из вариантов решения здесь выступает «парафрастический метод», который позволяет

⁸ Интересные материалы о молдавском старце можно найти на сайте: <http://www.jmp.ru/jmp/02/11-02/09.htm>

⁹ Гораздо позже К.С. Аксаков в «Опыте русской грамматики» будет утверждать, что падежи имеют смысл, независимый от их употребления (Аксаков К.С. ПСС. В. 3 т. Т. 3. М., 1880).

¹⁰ О дальнейшей судьбе корпуса см.: Прохоров Г.М. Переводные памятники... С. 42-60.

В 2000 г. в издательстве «Алетейя» увидело свет долгожданное издание трактатов Дионисия Ареопагита с толкованиями в переводе с греческого Г.М. Прохорова, где современный исследователь может также обратиться к тексту оригинала.

¹¹ Камчатнов А.М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX в. М., 2005. С. 95.

¹² Иоанн экзарх, отмечая стилистическое различие между словами разных языков, пишет: «Глаголь въ иномъ языке краснь, то въ друземъ некрась. иже въ иномъ страшнь, то въ друземъ нестрашнь. иже въ иномъ чьстьнь, то въ друземъ нечьстьнь» (Калайдович К.Ф. Указ. соч. С. 132).

¹³ Буланин Д.М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век: В 2 т. Т. 1. СПб., 1995. С. 27.

¹⁴ Чернышева М.И. Проблемы влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности. Диссертация на соиск. уч. степ. доктора филологических наук. М., 1994.; Чернышева М.И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 97-107).

¹⁵ Там же. С. 98.

¹⁶ Там же.

сохранить порядок слов (*verbum de verbo*) и передать смысл (*sensum de sensu*). При этом для передачи смысла используют два и более слов. Именно так, например, были сделаны переводы Дионисия Ареопагита на сирийский и латинский (IX века)¹⁷. Кирилл и Мефодий в своей деятельности также исходили из идеи «неподобного подобия», когда все слова, и оригинала, и перевода, выражают смысл приблизительно. Между этими двумя способами находится переводческая техника Иеронима Блаженного, который, с одной стороны, стремился как можно точнее передать структуру оригинала, а с другой – заботился о понятности текста для читателя, поэтому в его переводе Вульгаты нет закрепления постоянного эквивалента за определенным словом оригинала («пословно-семантический метод»)¹⁸.

Заметим, что грузинский перевод Ефрема Мцире (конец XI в.) тоже был сделан пословно. После Ефрема и Арсения Икалтойского в рамках грекофильской школы возник т.н. новый переводческий стиль, обильно использовались морфемные и синтаксические кальки. Пословный перевод в Грузии достиг расцвета в XIII в., в переводческой школе Гелатского монастыря. Известно, что в Армении грекофильская школа сложилась к VII в., и именно благодаря трудам ученых этой школы в VIII в. появился пословный перевод Ареопагитик на армянский язык.

Инок Исаяя считал греческий язык образцом для славянского. Созданный им текст многие называли «темным» из-за буквального следования оригиналу. Греческий язык обладал необходимой синтаксической гибкостью и лексической мощью для передачи философско-богословского смысла Ареопагитик. В славянском же языке того времени «слово характеризуется анархической многозначностью»¹⁹, поэтому Исаяе приходилось, полностью сохраняя синтаксический каркас греческого текста и оставляя (в основном) постоянный эквивалент за каждым словом оригинала, прибегать и к «парафрастическому» способу передачи смысла, и иногда отступать от пословной лексической закреплённости. Надо заметить, что о «понятности» здесь и речи быть не может, но славянский текст, как уже отмечалось, был чрезвычайно популярен²⁰.

Приведем один из примеров отступления от греческого текста. Первая глава трактата «О таинственном богословии» в переводе Исаяи называется «Что такое Божественный сумрак». В оригинале здесь *γυφοσ/δβοφοσ* – ‘мрак, темнота’²¹. С одной («нашей») стороны, это отсутствие (но не отъятие) света, с другой (стороны умного мира) – совершенный свет. Этот мрак – онтологическая и гносеологическая Божественная характеристика, заключающая в себе представление о непознаваемости Бога. Что мог внести славянский префикс *съ-*, означающий неполноту признака? Есть два предположения, оба весьма гипотетичны, и оба милосердны к читателю. Совершенный свет ослепляет, воспринимаясь как мрак, полная тьма. «Съмракъ» - до мрака, где еще хоть что-то видно. Второй вариант – мрак для посвященного – уже не мрак, а сумрак, можно хоть немного воспринять Божественный свет. Но в любом случае утверждается запредельность Божественного Первоначала, Причины всего. Есть и еще одна версия – с точки зрения средневекового христианина, тьма – место, где нет света, а где нет света, там

¹⁷ Там же. С. 100.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Камчатнов А.М. О семантическом словаре древнерусского языка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. Сентябрь. С. 61.

²⁰ Если обратиться к истории бытования древнерусских Ареопагитик, то мы вынуждены будем констатировать удивительную поливалентность памятника: цитатами Дионисия как аргументами пользовались противники в полемике. Такая философская гибкость происходит не от «непонятности», а от того, напротив, что смысл оригинала был передан иноком Исаяей необычайно точно – идеи Псевдо-Дионисия провоцируют на споры до сих пор, - читателю ничего не навязывается. «Поскольку один и тот же смысл может быть по-разному понят и истолкован, это служит основанием внутриязыковой и межъязыковой синонимии, что и обуславливает возможность перевода с языка на язык» (Камчатнов А.М. История русского литературного языка... С. 116).

²¹ Вейсман А.Д. Древнегреческо-русский словарь. СПб., 1899.

нет Бога, поэтому Он не может обитать во мраке, пусть даже это только нами воспринимается как мрак.

Восхождение к Богу, просвещение происходит «по коегождо мере», по мере, возможности каждого. В начале трактата «О небесной иерархии» есть слова: «призвав Иисуса – “свет истинный, иже просвещает всякого человека, грядущего в мир”, - устремившись взглядом ввысь, обратимся к сиянию священного слова». Чтобы обратиться к Писанию, как к познанию, надо поднять голову вверх - *αναυεσσομεν* – «взъимаемъ» у Исаяи и «взимаемъ» в рукописи № 264 из собрания Уварова, т.е. «да воспримем». Этот акцент на «вос-» передает радостное дерзновение, пронизанность светом всего существа. Если для тьмы в славянском переводе используется два слова – «съмракъ» и «тъма» (*σκotos*), то для обозначения света и его атрибутов – бесконечное разнообразие: «светлость», «осияние», «светодание», «божественные лучи». «Осияние» можно воспринять «по мере коегождо», но в каждом «светоявлении» содержится вся полнота Божества. (Термин нашего времени «просвещение» в этом контексте переживается особенно ярко.)

Свет и тьма образуют некоторую оксюморонность: «Ты же, о друже Тимофее, и чувства остави, и разумная действия, и все чувственная и умная, и все сущая и не сущая, к соединению якоже можно неведомее воспрострися... к пресущественной божественныя тьмы заре ... воздестися имаши». Обратим внимание: заря, т.е. сияние, божественной тьмы. «Сумрак пресветлый, пресущественный и преумный²², где бессловие отнюднее и неразумие обрести имаы». Есть такие вершины, где признак осмысливается и ословливается в зависимости от того, где субъект стоит. На первый взгляд – антонимы, но их внутренняя связь крепче, чем у синонимов. Божественная связь.

Прикоснувшись к Ареопагитикам в древнеславянском понимании, рассмотрим подробнее переводческие принципы XVII-XVIII вв., когда «богословской основой перевода по-прежнему оставался символический реализм»²³.

По пути древних переводчиков, «хранящих истинно разум и речения непремеяющих»²⁴ (обратим внимание на эту непреложность «речений»), с точки зрения Евфимия Чудовского, шли ученики Епифания Славинецкого. «Истинно преводити» - значит «от слова до слова и ничто разума и речений многотрудно умышленных святыми отцы пременяя»²⁵. Текстологическое сопоставление списков, составление указателей, оглавлений, комментарии – все это характеризовало работу школы Епифания как сотрудничество высококвалифицированных ученых. Однако следствием их принципов перевода был удивительный буквализм, проявляющийся в подробнейшей передаче морфемных, лексических, грамматических особенностей, что насыщало текст дополнительными связями, не всегда поддающимися интерпретации и не всегда «прорастающими» поэтому в сознании читателя.

²² В этом «пре-» (υπερ-) одновременно и «пред-», преданность, предсуществование.

²³ Камчатнов А.М. История русского литературного языка... С. 250.

²⁴ Матхаузерова Св. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 42.

²⁵ Там же.

Пословный перевод, согласно Паисию Величковскому, предполагает ряд условий.

1. Переводчиком должен быть ученый, в первую очередь владеющий языками, при этом надо не только «во всем грамматическом учении и правописании и всесовершенном ведении свойств обоих бытии совершённу, но еще и самых высоких учений – пиитики, глаголю, и риторики и философии, еще же и самыя богословии не перстом коснувшуся».
2. «Неискусен же кто сый в правописании, и дерзаяй писати святыя книги, той, по моему мнению, сердцем убо верует в правду, усты же исповедует во спасение, рукою же неискусства раби своего хулит, в вечное себе осуждение, аще произношением устным хулы своя и не познавает». Речь здесь идет, конечно, не о непреднамеренных ошибках, а о том, что орфография отражает некий образец, которому надо подражать.
3. «Превод же книг без лексиконов таков есть, яково есть и дело художниково без орудий».
4. «Всегда употребляю образа превода именуемого до слова, имже Божественное Писание и вся церковныя и прочия книги на словенский язык с греческого преложены суть». Пословный перевод для последнего переводчика Дионисия Ареопагита на славянский язык – «прелюбимейший».

«Ведати же ...подобает, яко в преводе ...в речениих Божественнаго Писания последую якоже в греческом подлиннице положена суть отнюдь не дерзая премењати, и полагаати якоже в Священном Писании лежат, бояся зазора самочиния, но достоверен будет превод мой, якоже обретаю в греческой книге, тако и полагаю». Смысл, выраженный греческим словом, нельзя исказать, и греческий текст, в понимании преп. Паисия, выступает как своего рода доказательство достоверности. (Напомню, что для инока Исаяи греческий оставался образцом для славянского, но он был одним из способов передачи истины, которую содержит текст.) Равенство языков в выражении смысла выглядит нарушенным: славянский должен нести смысл таким же образом, как это происходит в греческом. Хотя по сравнению с другими языками у славянского языка есть преимущество: он «многия языки красотою своею и глубиною и преизобилием речений, паче же всего преближайшим к эллиногреческому языку уподоблением несравненно превосходит»²⁶.

На каких основаниях возможно переводить текст, переведенный переводом «от слова до слова»? И возможно ли передать эту пословность? И нужно ли? Нами была предпринята попытка «перевода перевода» инока Исаяи на современный русский язык²⁷. Задача – передать смысл греческого оригинала, понятый и переложенный на славянский Исаяей и воспринимаемый в течение четырех столетий русскими читателями, – выполнялась на материале трактатов «О небесной иерархии» и «О таинственном богословии». В сравнении с переводом Исаяи, тактичным, бережным – и эмоциональным, русский текст кажется грубоватым. «Древнерусскому слову нужно найти соответствие в нормативном современном русском языке с его выработанными способами выражения понятий, а для этого нужно понять то, что хотел сказать» переводчик²⁸. Современный исследователь проводит своего рода реконструкцию.

²⁶ Цитаты см. на сайте: <http://www.jmp.ru/jmp/02/11-02-09.htm>

²⁷ См.: Древнерусские Ареопагитики. М.: Кругъ, 2002.

²⁸ Камчатнов А.М. О семантическом словаре древнерусского языка. С. 61.

Н.С. Автономова, характеризуя работу интерпретатора текста, нанизывает на одну нить «перевод», «перенос», «переход»²⁹. Продолжая этот ряд, добавлю, что в случае с переводом труда инокa Исайи исследователь в своей работе должен стремиться к «пересаживанию» и «проращиванию» в современном читателе системы глубочайших смыслов, с которыми взаимодействовал читатель древнерусский. И все равно будут огромные потери: например, литургические и гимнографические ассоциации в современном русском языке не прозвучат так ясно, как они отзывались в средневековом сознании.

Говоря словами А.Я. Гуревича, должна произойти «встреча сознания» современного исследователя, интерпретатора, с «фрагментами сознания людей, от которых до нас дошли оставленные тексты, и людей, для которых они были в свое время созданы, т.е. для современников авторов этих источников, - эта встреча происходит не в настоящем и не в том прошлом, которое мы изучаем. Эта встреча происходит в особом “времени-пространстве”»³⁰. Каким будет итог этой встречи, зависит от того, случится ли «отдание себя».

---

²⁹ См.: Автономова Н.С. *Познание и перевод. Опыты философии языка*. М., 2008.

³⁰ Цит. по: Огурцов А.П. *От методологии истории к метафизике истории // Наука: от методологии к онтологии*. М., 2009 (в печати).